

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.11>

УДК 303.022, 303.832

JEL A12, A13, B00, B15, B52

Институциональный и ценностный подходы к анализу модернизации: потребность синтеза¹

Наталья М. ПЛИСКЕВИЧ ✉ *Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация*

Для цитирования: Плискевич, Н. М. (2023). Институциональный и ценностный подходы к анализу модернизации: потребность синтеза. *AlterEconomics*, 20(3), 712–730.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.11>

Аннотация. В последние годы нередко можно встретить полемику между учеными, работающими либо в институциональной, либо в ценностной парадигме исследования модернизационных процессов и отстаивающими приоритетное значение собственного подхода. Между тем сложность и взаимопереплетенность модернизационных изменений, касающихся и технологических, и институциональных, и социокультурных проблем развития общества, свидетельствуют о внутренней неразрывности этих подходов. Целью исследования является анализ проблем модернизации в работах наиболее известных представителей этих подходов. В статье показана, с одной стороны, непродуктивность появившейся в последнее десятилетие полемики между ними, связанная с разными оценками роли в модернизационном процессе институтов и ценностей, а с другой, потребность в объединении усилий ученых обоих направлений, вытекающая из ключевого единства основного объекта их анализа — человека. Выполненный автором анализ текстов видных представителей институционального и ценностного подходов позволил установить, что благодаря этому единству представители каждого из них в своих изысканиях выходят на общую точку соприкосновения — на социокультурный компонент общественного развития. В статье подчеркивается, что успешность этого развития зависит в одной терминологии от сопряженности технологий, институтов и культуры, в другой — от техно-гуманитарного баланса общества, при котором его стабильность обусловлена соответствием технологического развития уровню культурно-психологической регуляции. Особое внимание автором уделено проблемам ценностных конфигураций в обществе, которое представляет собой не некое единство, а комбинацию ряда ценностных групп, и от соотношения сил в ней зависит его способность выстраивать институциональную среду, адекватную модернизационным потребностям. При этом важно специальное выделение проблемы конфигурации ценностных групп в элитах как части общества, в наибольшей степени влияющей на эволюцию его институциональной структуры. В институциональном строительстве это имеет особое значение: элиты, с одной стороны, должны находить консенсус в обществе, чтобы оно не отторгло и не искажало привносимые институты; с другой, при всех компромиссах в ходе этого процесса они должны выдерживать общий вектор на модернизационное развитие, адекватное требованиям изменяющихся технологий. Достижение этого соответствия требует от представителей современного общества высокого уровня образования не только в инструментальной, но и в общегуманитарной сфере, что обеспечит и стратегическую стабильность социально-экономического развития.

Ключевые слова: институты, ценности, человеческий потенциал, институциональные исследования, ценностные исследования, общегуманитарные аспекты образования

¹ © Плискевич Н. М. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

Synthesizing Institutional and Value Approaches to Modernization

Nataliya M. PLISKEVICH ✉ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

For citation: Pliskevich, N. M. (2023). Synthesizing Institutional and Value Approaches to Modernization. *AlterEconomics*, 20(3), 712–730. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.11>

Abstract. Scholars studying modernization processes often engage in debates between those who follow institutional paradigms and those who emphasize values, with each camp strongly advocating for its approach. However, the complex interplay of modernization changes, involving technology, institutions, and sociocultural aspects, points to the natural connection between these approaches. This article intends to explore modernization issues through the works of prominent advocates from both perspectives. By analyzing texts written by the leading figures in both paradigms, the author shows that their research consistently converges on one key area: the sociocultural dimension of social development. The article highlights that the success of social development relies on aligning technology, institutions, and culture, often referred to as society's techno-humanitarian balance. This balance, crucial for stability, harmonizes technological progress with cultural and psychological control. Special attention is paid to the issues of value configurations in society, which is not a uniform entity but a combination of various value groups. The ability to construct an institutional environment that meets modernization needs depends on the power balance within these groups. It is particularly important to highlight the problem of value group configurations within elites, as they have the most significant impact on the evolution of the society's institutional structure. In institutional development, this holds particular significance: on the one hand, elites must seek consensus within society to prevent rejection or distortion of the introduced institutions. On the other hand, despite all the compromises they have to make in this process, elites must adhere to a shared path of modernization that matches evolving technological needs. Society members should have a high level of education not only in instrumental skills but also in the humanities, which will ensure strategic stability in socio-economic development.

Keywords: institutions, values, human potential, institutional research, value research, general humanitarian aspects of education

*Теория оказалась проста, как оно и должно быть.
Но реальность невероятно сложна, и всегда есть опасность
не заметить эту сложность.
М. Олсон*

1. Введение

В истории человечества периоды качественных технологических прорывов означали и соответствующие им глубокие преобразования как в социальной, так и в культурной жизни обществ. При эволюционном пути развития эти изменения проходили более плавно, созревали постепенно в соответствии с изменением тех требований, которые предъявляли к институциональному устройству общества, к его ценностным ориентациям и все более расширяющемуся числу его членов новые реалии в изменяющейся технологии производства (хотя и в такой ситуации процесс шел небесконфликтно, иногда доходя до революционных взрывов). В этой связи особый интерес представляют практики непосредственно следующих за передовыми стран по медленному изменению институтов, соответствующих требованиям изменяющегося технологического базиса, равно как и процессы эволюции ценностной структуры обществ под воздействием новых жизненных реалий. Важно, чтобы в ходе освоения достижений таких технологических прорывов происходила не вестернизация, т. е. просто перенос из более передовых стран технологий, институциональных

элементов и образа жизни, а именно модернизация как глубокое обновление социально-экономических, политических, культурных основ общества.

Получается, главное, что изменяется в процессе модернизации, — сам человек не только как носитель комплекса инструментальных знаний, сопутствующих появлению и распространению новых технологий, но и более комплексного овладения общегуманитарной базой этих знаний, дающей ориентиры действиям в изменившемся мире, уберегающие человечество от ранее неизвестных рисков. Важность соблюдения принципа комплексного освоения человеком всего богатства знаний, накопленных более развитыми странами, из которых заимствуются передовые технологии, стала очевидной еще в середине XX в., когда освободившиеся от колониальной зависимости страны пытались осуществить модернизационный рывок, но потерпели неудачу из-за несоответствия их социокультурных установок новым требованиям (Eisenstadt, 1973). Эти изменения и их роль в успешном экономическом развитии особо отмечается, например, в «Кембриджской истории капитализма», авторы которой подчеркивают, что успешность заимствования технологий «зависит от процесса образования человеческого капитала внутри страны» и выводят общее правило, согласно которому успехов добиваются те страны, которым удалось создать и укрепить соответствующий новым требованиям человеческий потенциал, а также институты, призванные развивать его, а «государства, которым этого не удалось сделать, терпели неудачу» (Кембриджская история капитализма, 2021, с. 158, 162).

Сама роль человека как создателя новых технологий и соответствующей им институциональной структуры, а также и личности, постоянно изменяющейся в этом процессе, делает естественным основное разделение исследований модернизационных сдвигов на институциональное (с акцентом на происходящие в обществах изменения формальных и неформальных норм и правил) и ценностное (сосредоточивающее внимание на эволюции ценностного мира человека как субъекта этих процессов). В то же время тенденции к синтезу современных научных исследований делает логичным предположение о продуктивности объединения усилий представителей этих двух ветвей научного знания. Поэтому представляется целесообразным, опираясь на получившие наибольшую популярность в последние годы концепции, рассмотреть специфику их взаимоотношений, отметить те точки их соприкосновения, которые открывают возможность если не для синтеза этих двух направлений, то хотя бы для их взаимообогащения.

Нельзя не отметить и то, что сам тезис о важнейшей роли человека как субъекта технологических и институциональных изменений требует особого учета его ценностных качеств в ситуациях, когда он выступает как представитель элиты, т. е. обладающий властными полномочиями для изменения формальных правил, действующих в обществе. От того, какой набор ценностных предпочтений доминирует в элитных группах, во многом зависит либо успех модернизационных преобразований, либо стагнация общества или даже его регресс. Кроме того, важно определить, к какому состоянию должен стремиться баланс технологий, институтов и ценностей в обществе для его стабильного устойчивого развития.

2. Институциональный и ценностный подход — полемика или сотрудничество?

В последние десятилетия опубликована масса работ, касающихся как изменений в институциональной структуре современных обществ (наибольший инте-

рес уже в XXI в. вызвали теории Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона (Норт и др., 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2016), так и эволюции ценностных предпочтений, происходящие в разных странах мира. Причем в последнем случае следует выделить две ветви. С одной стороны, это исследования социологов, отслеживающих изменения в социокультурной и ценностной картине разных стран. Особо хочется отметить Р. Инглхарта и К. Вельцеля, прежде всего потому, что в своих последних книгах они вступили в полемику со сторонниками приоритета в модернизационных процессах институциональных изменений (Inglehart, 2018; Вельцель, 2017). С другой стороны, это работы видных политологов, в которых акцент делается на изменении ценностной картины мира и общей гуманизации человечества под воздействием образования, всестороннего просвещения (см., например: Пинкер, 2021; Goertz et al., 2016; Hathaway & Shapiro, 2017).

При этом, говоря о важности соответствия социальных и личностных качеств человека требованиям ускоряющегося научно-технического развития, важно помнить, что он несет не только новые достижения в самых разных областях жизни современного общества, но и риски, чреватые техногенными и гуманитарными катастрофами. О таких рисках напоминает сформулированный еще в 1990 г. А.П. Назаретяном закон техно-гуманитарного баланса, действовавший на протяжении всей истории человечества. Согласно этому закону, должна соблюдаться зависимость между тремя переменными — технологическим потенциалом, качеством культурно-психологической регуляции и устойчивостью общества (Назаретян, 2017). Поэтому особенно в эпохи научно-технических прорывов столь важно, чтобы за изменениями в технологической сфере успевали происходить соответствующие изменения в общекультурной, общегуманитарной сфере, чтобы не только элитарные слои, но и все члены общества не ограничивали свои запросы к образованию получением лишь новых инструментальных знаний и навыков, необходимых для освоения нового инструментария как в производственной, так и в потребительской области. Важен более широкий общегуманитарный взгляд на вновь открывающийся мир. Только на этом пути можно минимизировать ранее неведомые риски и добиться такого качества стабильности общества, которое можно назвать стратегическим.

Да и в тактическом плане такие требования, выдвигаемые к человеку современным миром, помогают с меньшими издержками решать текущие проблемы. И это важно для успешного взаимодействия специалистов разных уровней знания. Напомним, что Д. Норт отмечал отрицательное влияние на экономическое развитие нарушения баланса и взаимопонимания между носителями специализированных и вспомогательных знаний — первые приобретают высокую ценность лишь в случае их интеграции со вторыми ценой небольших затрат. Поэтому общее богатство культуры социума — ключ к «динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче культурный контекст в смысле предоставления возможностей для разнообразных экспериментов и творческой конкуренции, тем больше шансов на успешное выживание имеет общество» (Норт, 2010, с. 61).

Таким образом, выдвинутая Д. Нортом и его коллегами теория представляет собой определенное сочетание как институциональных, так и ценностных компонентов. Об этом свидетельствуют хотя бы сформулированные требования условий перехода к «порядкам открытого доступа» (Норт и др., 2001, с. 76). В них, по сути, формулируется необходимость достижения элитами некоего ценностного порога,

в результате чего они начинают менять институциональные формы существования общества. Для достижения этого порога мало простого усложнения процессов передела ренты, для выхода за рамки насильственного способа решения текущих проблем нужен еще и качественный этический сдвиг, делающий все более нравственно трудным применение при этом насилия.

В то же время здесь следует сделать существенную оговорку. Общество — по сути, единый организм, и процессы, развивающиеся в элитной среде, если это действительно элита как наиболее передовая его часть, лучше других осознающая необходимость назревших изменений и призванная давать толчок процессам изменений во всем обществе, должна находить понимание и поддержку в обществе, хотя бы в значительной его части. То есть и общество в своем развитии должно достичь некоего «порогового уровня», необходимого для перехода к новым порядкам (Плискевич, 2013). Во взаимоотношениях элиты и общества в ходе трансформационных процессов могут складываться две ситуации. С одной стороны, общество, не дозревшее до осознания необходимости преобразований, может блокировать их, исказить действие вновь вводимых формальных институтов, создавая при этом не только институциональные ловушки (Полтерович, 2007), но и институциональные рубцы (Плискевич, 2022; 2023), ориентируясь прежде всего на неформальные устоявшиеся институты. С другой стороны, и само общество, отягощенное традиционными, но крайне неэффективными институтами, в своей существенной части может начать воспринимать господствующие в более передовых сообществах ценности. И в такой ситуации оно само оказывается существенным фактором воздействия на элитные группы, побуждая их начать назревшие преобразования.

Рассмотрение эволюционного поступательного модернизационного развития многих стран, в т. ч. и России, сквозь призму эволюции не только технологий, но и, главное, самих людей, призванных дать жизнь и воспринятым извне технологиям, и готовым к новым прорывам в самых разных областях как собственно экономики, так и более широкой социокультурной сферы, на наш взгляд, позволил бы нарисовать более объемную картину институциональных изменений как необходимого компонента модернизационного процесса. В частности, это позволило бы снять развернувшуюся в последние годы полемику между видными представителями институционального и ценностного направлений исследований процессов социально-экономического развития (см., например, анализ этой полемики между Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном, с одной стороны, и Р. Инглхартом и К. Вельцелем — с другой, данный В. М. Полтеровичем (Полтерович, 2018)). В этой полемике каждая сторона, критикуя оппонента, в то же время не видит, каких ошибок она могла бы избежать, если бы расширила свой анализ за пределы либо ценностного, либо институционального подхода. Так, К. Вельцель даже заявляет, что институты — лишь результат, а не причина развития, что «ориентация на институциональные аспекты цивилизации — это, скорее, фокусировка внимания на симптомах. Такой подход отвлекает нас от ключевой темы — духа законов. Главная характеристика нового типа общества — это его дух, эмансипативный по своей сути, это идея освобождения ищущих счастья людей от догм и тирании, и фокусирования усилий правительства на благосостоянии обычных людей» (Вельцель, 2017, с. 365–366).

Однако нельзя не учитывать, что этот дух формируется в процессе социальных отношений, в окружающем людей мире, и на него воздействуют и формальные, и неформальные институты, во взаимодействие с которыми входит человек, каче-

ство норм и правил, принятых в том или ином обществе. В. М. Полтерович, анализируя концепцию К. Вельцеля, указывает на то, насколько важны механизмы, благодаря которым происходит развитие, в т. ч. совершенствование и общественного организма в целом, и отдельных его членов. Но в рамках применяемой Вельцелем методологии «остаются не исследованными внутренние причины социальной эволюции и, в частности, вопрос о том, за счет чего возможно совершенствование гражданской культуры при „плохих” институтах» (Полтерович, 2018, с. 19).

В то же время и концепция Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона явно обеднена из-за пренебрежения проблемами личностного развития и абсолютизации темы качества институтов. Это достаточно ярко проявилось, например, при их анализе причин быстрого экономического роста СССР времен первых пятилеток, при господствовавших в стране экстрактивных институтах. Причины такой ситуации сводятся авторами к возможностям концентрации ресурсов на нужных авторитарному государству приоритетных направлениях. Однако забывается, что в этот период действовали люди, значительная часть которых сформировалась в предреволюционные годы, когда в стране шло быстрое развитие и благодаря полувекковой истории реформ, проведенных Александром II, наряду со старыми экстрактивными институтами, начинали формироваться и институты инклюзивные. Под их воздействием менялись и ценностные представления погруженных в эту новую атмосферу людей, которые и через 10–20 лет после событий 1917 г. сохранили в себе ценностные представления, адекватные инклюзивным институтам. Это позволяло им решать сложные задачи и индустриального строительства, и развития науки и культуры, и качественного расширения сферы охвата образованием масс населения (см. подробнее: Балацкий, Плискевич, 2017).

В какой-то степени откликом на критику со стороны представителей ценностного подхода стала следующая книга Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор» (английское издание появилось в 2019 г., русский перевод — в 2021 г.). В ней авторы дают свой ответ на вопрос о рождении свободы (центральный у их оппонента — К. Вельцеля), но в рамках своей институциональной структурно-логической сферы. По сути, их концепция дает достаточно прозрачное объяснение динамики исторического развития, включающего и прорывы, и откаты назад, связанные с особенностями взаимодействия элит и масс. В его ходе складываются, по мнению авторов, три возможные позиции во взаимоотношениях государства и общества — Деспотического Левиафана (тоталитарного или авторитарного государства), Отсутствующего Левиафана (слабого государства и сильных анархических тенденций в обществе) и Обузданного Левиафана (с системой сдержек и противовесов в отношении государства и общества). Именно последняя позиция и представляет собой тот «узкий коридор», в котором создаются наиболее благоприятные возможности для развития и экономического роста.

Важно удержаться в этом коридоре, куда можно как войти из ситуации первых двух позиций, так и выйти, оказавшись в итоге в одной из них. Причем «схожие в широком смысле условия, имеющие отношение к силе государства или общества, не гарантируют того, что два разных политических образования последуют по схожей траектории. Траектория зависит от того, по какую сторону они находятся от границ, разделяющих регионы Деспотического, Обузданного и Отсутствующего Левиафана» (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 370). Акцент в анализе делается на структурных факторах развития обществ, соотношении в них активности элит

и масс, хотя и отмечается, что эти факторы «не создают прочной предрасположенности к одному типу экономического, политического или социального шаблона. Они, скорее, порождают „условные эффекты”» (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 370), т. е. их последствия оказываются различными в зависимости от складывающегося баланса сил между государством и обществом.

Предложенный Д. Аджемоглу и Д. Робинсоном новый анализ истории развития различных стран, безусловно, интересен. Но все же в нем фактически не нашлось места эволюции ценностного компонента мотивации людей, представляющих как сторону государства, так и сторону общества. Хотя нельзя не отметить, что в этой работе нет такого безусловного акцента на примате институтов (в данном случае в политической сфере), как это было в предыдущей книге. В целом в своей рецензии на «узкий коридор» Е.В. Балацкий охарактеризовал эту концепцию как одну их последних, если не последнюю, попыток «создания всеобъемлющих простых теорий социального развития» (Балацкий, 2023, с. 193)¹.

3. Ценностное многообразие и его роль в процессах развития обществ

Таким образом, перспективным представляется анализ, сочетающий и институциональный, и ценностный подход. Неслучайно В.М. Полтерович, говоря о том, что экономическая теория находится в перманентном кризисе, указывает и на возможный выход из него: «формирование общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин» (Полтерович, 2022, с. 48). При этом важно учитывать, что ценности общества находятся в постоянном развитии (при всей медленности этого процесса), а также то, что в ценностном отношении как элиты, так и общество в целом крайне неоднородны. Такая ситуация характерна для всех обществ, в т. ч. считающихся наиболее передовыми. Этот факт хорошо иллюстрируют данные Европейского социального исследования (ESS), проводимого более чем в 20 странах континента на основе теории базовых ценностей, разработанной Ш. Шварцем (Schwartz, 1994). Россия присоединилась к нему в 2006 г. В рамках этого исследования отечественные социологи В.С. Магун и М.Г. Руднев совместно с П. Шмидтом выявили в европейских странах ряд групп населения с различными ценностными комбинациями (Магун и др., 2015). Это группы, по-разному реагирующие на происходящие в обществе процессы². Выделенные пять групп с характерными для каждой из них ценностными наборами присутствуют в каждой из входящих в исследование стран. При этом представители каждой ценностной группы оказываются более близкими, «родственными по духу», представителям той же группы из других стран, нежели своим соотечественникам из других ценностных групп. И вектор развития каждой страны во многом определяется тем, какая (или какие) из ценност-

¹ Все же это не последняя попытка структурно-логического анализа институциональных изменений. Например, в 2020 г. венгерские ученые Б. Мадьяр и Б. Мадлович в издательстве CEU Press выпустили книгу «The Anatomy of Post-Communist Regimes» (русское издание (Мадьяр, Мадлович, 2022)). Хотя, в отличие от Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, авторы этой работы ограничились странами посткоммунистической трансформации, предложенная ими схема концептуального пространства и его основных переменных вполне может быть применена к анализу эволюции институциональных систем других стран.

² Ранее, по данным 2006 и 2008 гг., были выделены четыре группы (см., например, (Магун, Руднев, 2010)). Затем в ходе уточнения была добавлена пятая группа, но в целом группировка сохранялась во всех проводимых исследованиях (последнее из-за COVID-19 было проведено не в 2020, а в 2021 г., данные обрабатываются).

ных групп в ней господствует. В целом данные исследования позволили по шкале Ш. Шварца построить «ценностную диагональ» от представителей сильной и слабой социальной ориентации, тяготеющих к полюсам Сохранения и Заботы о людях и природе, и сильной и слабой индивидуалистической ориентации, тяготеющих к Самоутверждению и Открытости изменениям. Представители этих ценностных групп составляют более 80 % населения охваченных ESS европейских стран, что свидетельствует о наличии там конфликта «между ценностями благополучия других людей и ценностями собственной активности» (Магун, Руднев, 2021, с. 338). В то же время была выявлена группа носителей Ценностей Роста, сочетающих стремление к Открытости изменениям с необходимостью Заботы о людях и природе. Представители именно этой группы играют важную роль прежде всего в передовых европейских государствах, где составляют от 54 % населения Швеции до 34–30 % населения Бельгии и Испании (Магун, Руднев, 2021, с. 344).

Важный вывод Магуна и Руднева состоит в том, что «все рассматриваемые страны неоднородны, в каждой из них имеются представители всех пяти ценностных типов, и различаются они распределением населения между этими типами». Таким образом, ценности жителей любой европейской страны представляют собой не уникальную и гомогенную «национальную культуру», а «комбинацию нескольких групп людей с различными ценностями» (Магун, Руднев, 2021, с. 339). Причем и соотношение носителей этих ценностей отнюдь не постоянно, особенно в современном глобальном мире, пронизанном разными взаимодействиями и взаимовлияниями. Так, данные ESS свидетельствуют, что в ценностной структуре населения России с 2006 г. по 2018 г. произошли существенные изменения. Если в 2006 г. соотношение социально и индивидуалистически ориентированных групп составляло 49 % к 46 %, то в 2018 г. оно изменилось на 38 % к 54 %. Причем, в отличие от В.С. Магуна и М.Г. Руднева, мы полагаем, что к этому факту надо относиться с осторожностью, не только как к явному росту стремления к изменениям, но и как к акценту на самоутверждение и росту «агрессивно-адаптивного индивидуализма» (по Дилигенскому). В то же время пусть незначительно, но статистически значимо выросла в стране и доля носителей Ценностей Роста (с 4 % до 8 %) (Магун, Руднев, 2021, с. 348).

Стоит также добавить, что применительно к проблеме состояния ценностных предпочтений важно выявлять структуру этих предпочтений как в элитах, так и в обществе в целом, а также в отдельных его сегментах. Расхождение или сближение этих структур в разных слоях социума может как ускорять, так и тормозить развитие, создавать напряжения вплоть до революционных взрывов. Особенно опасным представляется преобладание в элитном слое представителей индивидуалистической ориентации (в противоположность представителям Ценностей Роста), чья деятельность, особенно как «промежуточных выгодоприобретателей» (Hellman, 1998), не только блокирует трансформационные процессы в институциональном плане, но и вызывает острую реакцию населения на ее результаты и формирует общий настрой на неприятие реформ. Так, И.М. Бусыгина и М.Г. Филиппов подчеркивали, что серьезная проблема неудавшихся российских реформ заключается именно в «победителях», выигравших от частично проведенных реформ. Они «будут стремиться к сохранению сложившейся ситуации до тех пор, пока она не перестанет приносить им выгоду». И «чем более „изолирован“ от общества процесс принятия политических решений, тем большую власть получают те, кто стре-

мится заморозить состояние частичных реформ во имя максимизации преимуществ от своего привилегированного статуса» (Бусыгина, Филиппов, 2012, с. 35).

При затормаживании или даже «заморозке» реформ у «промежуточных выгодоприобретателей» образуется платформа общих интересов с теми представителями старых элитных групп, которые смогли встроиться в новые условия. И они объединяют усилия для поддержания status quo в борьбе как с реформаторски настроенными группами, настаивающими на продолжении реформ, так и с проигравшими от реформ и требующими возвращения к прежним порядкам. На этой почве во имя достижения тактической стабильности происходят коррекции прежнего курса, вновь внедренные институты подвергаются трансформации, извращающие их изначальную суть, т. е. формируются «институциональные рубцы». Этому способствуют и присущие дореформенным порядкам неформальные институты, если они не только не подверглись серьезной трансформации, но и использовались «промежуточными выгодоприобретателями» в своих целях. Именно такая ситуация способствует росту отчужденности в обществе, его атомизации, усилению в нем тенденций «негативной свободы» (по И. Берлину) и ослаблению социально ориентированных ценностей.

В то же время в современном глобальном мире, вступившем в качественно новый этап научно-технического развития, такого рода тактическая стабильность, строящаяся, по сути, на попытке создания системы прочных вертикальных связей, хорошо знакомых по предшествующим этапам развития, может дать сбой при столкновении с принципиально новыми явлениями как в технологической, так и в социокультурной сферах. Поэтому в ситуации неоднородности общества опасно злоупотребление инструментариумом тактической стабильности в ущерб стабильности стратегической (т. е. делающей упор на социокультурное развитие общества, его соответствие новым технологическим требованиям). При подходе такого общества к точке критического несоответствия двух компонентов техно-гуманитарного баланса (технологического и культурного) возникает реальная опасность серьезных социальных потрясений. Причем они отнюдь не всегда приводят к возобновлению курса реформ, а, напротив, могут отсрочить их проведение.

В таком случае успех, хотя бы частичный, складывается из множества факторов. Толчком могут стать серьезные кризисные явления, продемонстрировавшие несоответствие общественного устройства, его институциональной структуры требованиям нового времени, и адекватное осознание этого несоответствия как элитами, так и значительной частью всего общества. Причем надо помнить и о ценностной неоднородности элит и общества в целом, по-разному интерпретирующих сложившуюся ситуацию и, соответственно, видящих разные пути выхода из кризиса и решения сложившихся проблем. Поэтому, возвращаясь к идее Д. Нортона, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста о важности достижения элитами «пороговых условий», необходимых для перехода к новым порядкам, надо помнить и об этой неоднородности самих элит. Тем более что такой переход, как правило, бывает долгим, чередует разного рода зигзагами и даже контрреформами, что само по себе свидетельствует об изменении пропорций представительства носителей разного рода ценностей, прежде всего в элитах, а значит, изменении степени влияния разных групп в ходе этого длительного процесса. Нельзя не признать, что в истории человечества ситуации, когда властные полномочия на проведение реформ получала группа, не только убежденная в их необходимости, но и обладающая достаточным

багажом и инструментальных знаний, и общей культуры, включая и особенности социокультурного развития своей страны, встречались крайне редко. Кроме того, эта группа реформаторов должна быть способна не только противостоять контрреформаторским тенденциям, но и слышать своих оппонентов, а потому и корректировать отдельные элементы общего плана. Ее задача — дать новый вектор развития, так построить новые институты, чтобы они даже при их корректировке, вызванной текущими проблемами, не утрачивали изначального общего направления при всех дальнейших колебаниях политической конъюнктуры и оставляли серьезную базу для новых возможностей продвижения вперед.

В этом плане Россия дала хорошую иллюстрацию вышесказанному в виде Великих реформ Александра II. Напомним, что сами идеи о необходимости прежде всего крестьянской реформы развивались задолго до его прихода к власти. На уровне набросков и первоначальных проектов они обсуждались властями и при Александре I, и при Николае I, но до детальной конкретизации общих первоначальных представлений дело не доходило. Шок, вызванный поражением в Крымской войне, продемонстрировал, что откладывать с реформой больше невозможно. Но главное, что при всех разногласиях о способах проведения реформы в высшем руководстве страны и в структурах, созданных для подготовки проекта реформы, сложилась небольшая, но активная группа лиц, способная не только вписать ее важнейшие требования в общий контекст политической борьбы, но и проработать технологию ее реализации. Причем люди, активно продвигающие изменения, дающие стране новый вектор развития и сохраняющие его даже при корректировках первоначального плана под воздействием консервативно настроенных участников процесса подготовки реформы, присутствовали на всех уровнях обсуждения и принятия проекта — и в губернских комитетах, специально созданных при подготовке проекта реформы, и в правительстве, и в царской семье (например, вел. кн. Константин Николаевич и вел. кн. Елена Павловна). Этот процесс хорошо проанализирован в статье С.А. Васильева, который, в частности, подчеркивал уникальность сложившейся ситуации, когда активное меньшинство смогло реализовать проект, дающий стране новые перспективы. Это меньшинство опиралось на Александра II, понимающего, что время промедления прошло, но и сам Александр II опирался на это меньшинство и оказался способен сделать то, на что не решился его отец: «Николай I при восшествии на престол имел весьма амбициозные планы по отмене крепостного права. Однако, несмотря на всю жесткость его характера и авторитарный стиль правления, эти планы закончились ничем. Александр II, во всех отношениях более либеральный и мягкий человек, проявил в этом вопросе железную волю и довел дело реформы до завершения в удивительно короткие сроки — практически за четыре года» (Васильев, 2022а, с. 170).

Разумеется, как всякое преобразование, реализуемое в поляризованном обществе, реформа содержала в себе много компромиссов, не удовлетворявших либо одну, либо другую сторону, либо обе стороны сразу. Поэтому и основной массив литературы о ней носит критический характер, особенно ярко проявляющийся в оценках революционно настроенных групп — как народников и следовавших им социалистов-революционеров, так и марксистов, — перешедший затем и в советскую научную литературу. Однако оценки С.А. Васильева иные. Он подчеркивает, что «крестьянская реформа на самом деле имела вполне революционный характер. При этом ее разработчики пытались сделать переход максимально мягким».

Его вывод: «Глядя на крестьянскую реформу из нынешнего времени, можно отметить, что она была проведена очень грамотно — как с точки зрения самой конструкции реформы, так и с точки зрения технологии ее разработки...» (Васильев, 2022а, с. 169). Это и дало толчок развитию России и в аграрной, и в промышленной сфере на последующие полвека, а также заложило возможности для развития заложенных в ней принципов уже в новых условиях начала XX в., создало базу для преобразований, связанных с именами С.Ю. Витте и П.А. Столыпина.

Как известно, намеченные ими преобразования не были завершены, но успехи первого этапа новых реформ позволили в 1914 г. А.В. Кривошеину сформулировать новые задачи развития страны, «предусматривающие массовое строительство электростанций на Днестре и Волхове (будущие Днепрострой и „Волховстрой“), развитие Кузбасса и Магнитки, увеличение сети железных дорог в полтора раза за пять лет, массовое строительство элеваторов, развитие аграрного кредита, мелиорации земель и их ирригации в Центральной Азии». Все это «дает представление о том, как могла бы выглядеть структурная политика в послевоенной некоммунистической России» (Васильев, 2022b, с. 160).

Этот пример из российской истории свидетельствует о том, что толчком к модернизационным преобразованиям могут стать острые кризисные явления как внутреннего, так и внешнего плана. Успешному началу же их может способствовать удачная конфигурация модернизационно настроенных представителей элит — носителей ценностей, соответствующих направлению модернизационного развития. Пусть даже эти люди находятся в меньшинстве, но они способны добиться многого благодаря своей энергии, воле, знаниям, умению выстроить технологично выверенную программу реформирования, учитывающую в то же время и ограничения, диктуемые как общей ценностной картиной общества на данном этапе его развития, так и слабость встраиваемых в институциональную систему новых формальных институтов, вступающих в соприкосновение с устоявшимися формальными и неформальными институтами. И главное, процесс преобразований не может быть быстрым. Он был достаточно длительным и в ныне считающихся преуспевающими странах. Поэтому, в частности, Л.М. Григорьев и А.К. Морозкина полагают: «Проблема России начала века не только в отсутствии той или иной важной реформы или политической воли, но и в факторе времени... Пройти опасные „неустойчивые“ фазы индустриального развития с трансформацией всех слоев населения (и аграрных, и промышленных, и буржуазных, и дворянских) было трудно, но не безнадежно». Россия же к 1914 г. «оказалась на самом опасном этапе, чего не осознавали ни элита, ни общество в его образованной части...» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 96).

4. Культура как фактор сближения институциональных и ценностных исследований

Модернизационные преобразования — процесс длительный, содержащий в себе фазы не только успешных прорывов, но и нарастания рисков и контрреформаторских тенденций. И то, насколько удачно страна проходит наиболее острые этапы преобразований, зависит не только от политических решений, призванных ослабить внутренние противоречия и не допустить внешних конфликтов, но и от того, насколько удастся поддерживать в обществе техно-гуманитарный баланс, о котором речь шла выше. Проблемам соответствия социокультурного развития общества уровню технологического развития уделяется много внимания сторонниками

приоритетов ценностных изменений в ходе модернизации. В то же время эти же проблемы волнуют и исследователей институциональных изменений модернизирующихся обществ. Так, В.М. Полтерович отмечал наличие массы исследований, демонстрирующих провалы попыток «непосредственного» внедрения «прогрессивных» институтов в среду, социокультурно к этому не подготовленную, а многочисленные случаи «экономического чуда» связаны с градуалистскими реформами, в ходе которых использовались промежуточные институты в качестве инструментов «догоняющего развития» и способные функционировать в относительно отсталой социокультурной и институциональной среде (Полтерович, 2018, с. 21). Важную роль Полтерович отводит и состоянию гражданской культуры общества, а также процессам ее эволюции (Полтерович, 2007, с. 125–127).

Е.В. Балацкий предложил поликаузальную концепцию социальной эволюции, центром которой является конкурентный механизм, способствующий самосборке социальной системы. В качестве важнейшего критерия успешности работы этого механизма выделяется принцип согласованности динамики развития технологической, институциональной и культурной сфер жизни общества. Только при достижении такой согласованности становится возможным стабильный социальный прогресс и экономический рост (Балацкий, 2021). Эта гипотеза была подвергнута проверке с помощью эконометрических моделей на данных из 154 стран. В результате наличие принципа согласованности было подтверждено для богатых стран с душевым доходом выше среднего уровня и не подтверждено для бедных стран с душевым доходом ниже среднего уровня (Balatsky & Yurevich, 2022).

Таким образом, можно сказать, что у представителей и институционального, и ценностного подходов к исследованию проблем модернизации общества оказывается важная точка соприкосновения — социокультурная сфера развития общества. Она играет важную роль при построении институциональных концепций, т. к. необходимым условием «правильного» действия институтов оказывается их согласованность с культурной средой. В свою очередь, и ценностные изменения происходят не в «безвоздушном пространстве» — на них оказывает влияние и технологическое развитие, заставляющее по-новому взглянуть на окружающий мир, и институциональная среда, и специфика отношений разных ценностных групп как в элитах, так и в широких массах населения, и способность элит собственным примером утверждать укоренение в обществе новых институтов, и многое другое.

Социокультурная сфера огромна и многообразна, она включает в себя много пластов, одни из которых весьма консервативны, другие более подвержены достаточно быстрым изменениям под воздействием изменений окружающей среды. По сути, благодаря этой изменчивости важной части социокультурного каркаса общества и происходит его развитие. Во множестве культурных традиций общества наряду с традициями сохранения присутствуют и традиции инноваций, которые особенно активизируются в периоды технологических порывов, вызывающих подвижки и в институциональной, и в ценностной структуре общества (Гофман, 2008). Поэтому представляется, что попытка взаимопроникновения ценностного и институционального подходов в ходе изучения проблем модернизационного развития в новых научно-технологических условиях могла бы стать продуктивной. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что, по данным упомянутого выше ESS, выделенные в нем Ценности Роста соответствуют принципам институтов сотрудничества, о которых говорит В.М. Полтерович. Причем те европейские страны, где группа но-

сителей Ценностей Роста наиболее значительна, занимают первые места в мировых исследованиях по индексам удовлетворенности жизнью, качества жизни, по уровню гражданской культуры и эффективности институтов, опережая США.

5. Заключение

При естественности различия путей исследования проблем модернизации учебными, работающими в институциональной и ценностной сферах, обусловленном самой спецификой методологии этих подходов, у них есть точка соприкосновения. Само наличие этой точки у институционального и ценностного подходов к анализу проблем модернизации социально-экономического развития общества, находящейся в социокультурной сфере этих процессов, свидетельствует о возможности и даже необходимости объединения усилий представителей обоих направлений. Само осознание того, что факторы, являющиеся предметом исследования представителей одной дисциплины, должны быть пристально изучены и включены в анализ другой, дают надежду на то, что в перспективе их «стилистические» различия вполне можно преодолеть, и отдельные области научного познания вполне могут «учиться» друг у друга» (Либман, 2023, с. 45).

Во всяком случае, нельзя не назвать продуктивным при исследовании эволюции ценностной структуры общества учет воздействия на этот процесс появления норм и правил, обусловленных и необходимостью приспособления к технологическим изменениям, и конструированием новых институтов как результата либо консенсуса, либо изменения баланса сил в политической, экономической или социальной системе. Анализ же институциональной структуры представляется явно неполным без учета в нем сложной конфигурации носителей разных наборов ценностей. Это важно не только для оценки ценностных предпочтений всего общества, но и элитных групп как обладающих большими возможностями воздействия на институциональные изменения.

По сути, в концепции Норта — Уоллиса — Вайнгаста просматривается значение изменений ценностей в обществе в процессе эволюционного развития институциональной системы. Хотя напрямую в книге роль ценностей и убеждений акторов процессов не обсуждается (равно как и не уделяется достаточного внимания роли развития технологий, которое ведет к разрушению устоявшегося источника рентных доходов), однако сам качественный переход от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа свидетельствует о соответствующем изменении ценностного компонента. Без этого представителям элит невозможно было бы удовлетворять требованиям «пороговых условий», означающий начало такого перехода. Добавлю, что в обществе (по крайней мере в существенной его части) также должны произойти соответствующие сдвиги. Но нельзя забывать, что это сложный и длительный процесс эволюции. Чтобы безболезненнее преодолевать сложности этого пути, Д. Норт и его коллеги полагают более важным «помогать обществам с ограниченным доступом, чтобы их организации становились сильными и подчинялись правилам, нежели пытаться установить полностью открытую экономическую и политическую конкуренцию в обществах, где угроза насилия надолго консервирует систему порядков ограниченного доступа» (Норт и др., 2012, с. 33).

Этому совету, высказанному в специальном докладе на XIII Апрельской международной научной конференции, организованной ВШЭ, прислушались ученые ВШЭ и ряда других научных центров, которые провели ряд страновых исследова-

ний истории эволюции порядков ограниченного доступа сначала в рамках проекта «Нестандартные институты: условия и инструменты успешного проведения структурных изменений», а затем в рамках работы семинара «Социальные порядки: природа и динамика» (2018–2019 гг.) (Яковлев, 2020). К сожалению, этот проект остался незавершенным. Возможно, поэтому его участникам так и не удалось раскрыть роль изменений ценностной структуры общества, без которых сложно во всей полноте оценить путь, проделанный в анализируемых странах, результатом которого стало или частичное, или полное размывание порядков ограниченного доступа и переход к порядкам открытого доступа. Хотя именно это была одна из претензий, высказываемых данным коллективом к работе Норта и его коллег (Яковлев, 2020, с. 60).

Но представляется, что даже само название их книги «Насилие и социальные порядки» говорит как раз о ценностном подтексте всего исследования, и прогресс человечества они видят прежде всего в его гуманизации. Причем процесс этот многообразен и взаимообусловлен. С. Пинкер, например, констатируя, что уровень насилия в мире снижается, видит для этого самые разные причины: «Иногда выясняется, что в каком-то конкретном вопросе росту миролюбия способствовали проповедники моральных ценностей и их деятельность. А иногда объяснение более прозаическое — вроде изменений в технологиях, управлении, торговых отношениях и в познании» (Пинкер, 2021, с. 19). В этом процессе он отмечает не только изменение ценностной картины, но необходимость того, чтобы «свойственное разуму стремление к справедливости создавало стратегии и нормы в сторону реального сокращения насилия в мире. Я имею в виду не только законодательные запреты актов насилия, но и институты, созданные специально, чтобы ослабить его соблазны» (Пинкер, 2021, с. 875). Значит, идея синтеза институциональных и ценностных подходов при исследовании гуманистического развития и общества в целом, и каждого его члена находит отклик и у политологов, озабоченных проблемой важности сокращения уровня насилия в современном мире.

Создание человеческого потенциала качественно адекватного задачам ускоряющегося современного научно-технологического развития, немисливо не только без новых инструментальных знаний, но и без углубления и расширения той общегуманитарной, общекультурной основы, на которую эти знания накладываются. Высоким требованиям этой задачи должен соответствовать современный человек. Только на этой основе может формироваться необходимая новым условиям критически мыслящая личность, способная одновременно со стремлением к инновациям и открытию новых горизонтов в то же время учитывать и интересы окружающего ее как природного, так и социального мира, а значит, к плодотворному сотрудничеству во имя общих целей. Элементы такой ценностной структуры уже отмечены в ESS как Ценности Роста. Важно, чтобы человеческий потенциал современного общества с его все более усложняющимися современными технологическими возможностями, несущими не только благо, но и неведомые ранее риски, соответствовал не только инструментальным, но и общегуманитарным критериям, связанным с этими возможностями. Только такой человек сможет в сложных ситуациях отличить Добро от Зла и не действовать в ущерб окружающим. Представляется, что важной задачей ученых, исследующих как институциональные, так и ценностные аспекты модернизационного развития, должна стать выработка совместных рекомендаций по созданию условий, благоприятствующих развитию такого человеческого потенциала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. А. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Москва: Издательство АСТ, 693.
- Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. А. (2021). *Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы*. Перевод с английского О. Перфильева. Москва: Издательство АСТ, 704.
- Балацкий, Е. В. (2021). Поликузальная концепция социальной эволюции. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(6), 49–69. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.3>
- Балацкий, Е. В. (2023). Концепция «узкого коридора»: история и современность. *Мир России*, 32(3), 180–195. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195>
- Балацкий, Е. В., Плискевич, Н. М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события. *Мир России*, 26(4), 97–117. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-97-117>
- Бусыгина, И., Филиппов, М. (2012). *Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски*. Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 224.
- Васильев, С. А. (2022b). Аграрные реформы в России XIX — начала XX веков: политический контекст и технологии проведения. Часть 2. Второй этап аграрной реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. *Вопросы теоретической экономики*, 4(17), 149–163. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163
- Васильев, С. А. (2022a). Аграрные реформы в России XIX — начала XX веков: политический контекст и технология реализации. Часть 1. Крестьянская реформа Александра II. *Вопросы теоретической экономики*, 3(16), 157–172. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_157_172
- Вельцель, К. (2017). *Рождение свободы*. Москва: АО «ВЦИОМ», 404.
- Гофман, А. Б. (2008). От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX — XXI веков. *Традиции и инновации в современной России* (С. 9–62). Под ред. А. Б. Гофмана. Москва: РОССПЭН.
- Григорьев, Л. М., Морозкина, А. К. (2021). *Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880–1913*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 176.
- Кембриджская история капитализма (2021). Т. 2. *Распространение капитализма: 1848 — наши дни*. Под ред. Д. Шестакова. Москва: Издательство Института Гайдара, 768.
- Либман, А. М. (2023). Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения. *Вопросы теоретической экономики*, 3(20), 35–48. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48
- Магун, В. С., Руднев, М. Г. (2010). Базовые ценности россиян в европейском контексте (Окончание). *Общественные науки и современность*, 4, 5–17.
- Магун, В. С., Руднев, М. Г. (2021). За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии. *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя* (С.325–353). Москва: Новое литературное обозрение.
- Магун, В. С., Руднев, М. Г., Шмидт, П. (2015). Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 3–4(121), 74–93. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2015-00020>
- Мадьяр, Б., Мадлович, Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура* (в 2-х т.). Т. 1. Пер. с англ. Ю. Игнатъевой под ред. Решетникова. Москва: Новое литературное обозрение, 744.
- Мадьяр, Б., Мадлович, Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура* (в 2-х т.). Т. 2. Пер. с англ. Ю. Игнатъевой под ред. Решетникова. Москва: Новое литературное обозрение, 888.
- Назаретян, А. П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. Москва: Аргмак-Медиа, 511.
- Норт, Д. (2010.) *Понимание процесса экономических изменений*. Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 256.

Норт, Д., Уоллис, Дж., Уэбб, С., Вайнгаст, Б. (2012). *В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности*. Москва: Изд. дом ВШЭ, 48.

Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. Москва: Издательство Института Гайдара, 480.

Пинкер, С. (2021). *Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше*. Пер. с англ. Г. Бородиной; под науч. ред. Е. Шульман. Москва: Альпина нон-фикшн, 952.

Плискевич, Н. М. (2013). Возможности трансформации в России и концепция Норта — Уоллиса — Вайнгаста. Статья 2. Пороговые условия перехода для общества. *Общественные науки и современность*, 6, 45–60.

Плискевич, Н. М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала. (Часть 1: Институциональные рубцы). *Вопросы теоретической экономики*, 3(16), 130–143. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143

Плискевич, Н. М. (2023). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций). *Вопросы теоретической экономики*, 1(18), 60–82. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82

Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. Москва: Экономика, 447.

Полтерович, В. М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? *Вопросы экономики*, 11, 5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26>

Полтерович, В. М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов. *Вопросы теоретической экономики*, 1(14), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57

Яковлев, А. А. (2020). Поиск институциональных решений через призму истории. *Общественные науки и современность*, 2, 57–63.

Balatsky, E., & Yurevich, M. (2022). Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence. *Foresight and STI Governance*, 16(3), 35–48. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.3.35.48> (In Russ.)

Eisenstadt, S. (1973). *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley & Sons, 367.

Goertz, G., Diehl, P. F., Balas, A. (2016). *The Puzzle of Peace: The Evolution of Peace in the International System*. Oxford, New York: Oxford University Press, 225.

Hathaway, O., Shapiro, S. J. (2017). *The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World*. New York: Simon & Schuster, 608.

Hellman, J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition. *World Politics*, 50(2), 203–234. <https://doi.org/10.1017/S0043887100008091>

Inglehart, R. F. (2018). *Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 273.

Schwartz, S. H. (1994). Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? *Journal of social issues*, 50(4), 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>

References

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2016). *Pochemu odni strany bogatyie, a drugiye bednyie. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]*. Moscow, Russia: AST Publishers, 693. (In Russ.)

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2019). *Uzkiy koridor. Gosudarstva, obshchestva i sud'ba svobody [The Narrow Corridor: Stats, Societies and the Fate of Liberty]*. Translated from English by O. Perfil'ev. Moscow, Russia: AST Publishers, 704. (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2021). Polikauzal'nay kontseptsii sotsial'noy evolutsii [Polycausal Concept of Social Evolution]. *Economicheskies i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 14(6), 49–69. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.3> (In Russ.)

- Balatsky, E. V. (2023). Kontseptsiiy “uzkogo koridora”: istoriya i sovremennost’ [The Narrow Corridor Concept: History and Modernity]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 32 (3), 180–195. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195> (In Russ.)
- Balatsky, E. V., & Pliskevich, N. M. (2017). Ekonomicheskiy rost v usloviyakh ekstraktivnykh institutov: sovetskiiy paradox i real’nye sobytiya [Economic Growth under Extractive Institutions: The Soviet Paradox and Contemporary Events]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 26 (4), 97–117. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-97-117> (In Russ.)
- Balatsky, E., Yurevich, M. (2022). Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence. *Foresight and STI Governance*, 16 (3), 35–48. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.3.35.48> (In Russ.)
- Busygina, I., & Filippov, M. (2012). *Politicheskaya modernizatsiya gosudarstva v Rossii: neobkhodimost’, napravleniya, izderjki, riski [Political Modernization in Russia: Necessity, Directions, Costs, Risks]*. Moscow, Russia: “Liberal Mission Foundation”, 224. (In Russ.)
- Eisenstadt, S. (1973). *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley & Sons, 367.
- Goertz, G., Diehl, P. F., & Balas, A. (2016). *The Puzzle of Peace: The Evolution of Peace in the International System*. Oxford, New York: Oxford University Press, 225.
- Gofman, A. B. (2008). Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvaemsa? Sotsiokul’turnye traditsii i innovatsii v Rossii na rubeje XX — XXI vekov [What Legacy do We not Give Up? Sociocultural Traditions and Innovation in Russia at the Turn of the 20th — 21st Centuries]. *Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii [Traditions and Innovations in Modern Russia]* (pp. 9–62). In A. B. Gofman (Ed.). Moscow, Russia: ROSSPEN. (In Russ.)
- Grigoryev, L. M., & Morozkina, A. K. (2021). *Uspeshnaya neustoychivaya industrializatsiya mira: 1880–1913 [Successful Unsustainable Industrialization in the World: 1880–1913]*. Moscow, St. Petersburg, Russia: Nestor-Istoriya, 176. (In Russ.)
- Hathaway, O., & Shapiro, S. J. (2017). *The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World*. New York: Simon & Schuster, 608.
- Hellman, J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition. *World Politics*, 50 (2), 203–234. <https://doi.org/10.1017/S0043887100008091>
- Inglehart, R. F. (2018). *Cultural Evolution: People’s Motivations Are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 273.
- Libman, A. (2023). Mezhdistsiplinarnye issledovaniya i smeshannye metody [Interdisciplinary Research and Mixed Methods: Perspectives and Limitations]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 3 (20), 35–48. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48 (In Russ.)
- Magun, V. S., & Rudnev, M. G. (2010). Bazovye tsennosti possiyan v evropeyskom kontekste (Okonchanie) [The Life Values of the Russian Population]. *Sociological Research*, 49 (4), 3–57. (In Russ.)
- Magun, V. S., & Rudnev, M. G. (2021). Za predelami “cheloveka sovetskogo”: possiyane v evropeyskoy tsennostnoy tipologii [Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology]. *Demontazh kommunizma: tridtsat’ let spustya [Dismantling Communism. Thirty Years Later]* (pp. 325–353). Moscow, Russia: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Magun, V. S., Rudnev, M. G., & Schmidt, P. (2015). Evropeyskaya tsennostnaya tipologiya I bazovye tsennosti rossiyan [Russian Basic Human Values through the Lens of the European Value Types]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]*, 3–4 (121), 74–93. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2015-00020> (In Russ.)
- Magyar, B., & Madlovics, B. I. (2022). *Postcommunisticheskie regimy. Kontseptual’naya struktura [The Anatomy of Post-Communist Regimes. A Conceptual Framework]*. In 2 Vols. Vol. 1. Translated by Yu. Ignat’eva. In A. Reshetnikov (Ed.). Moscow, Russia: New Literature Review, 744. (In Russ.)
- Magyar, B., & Madlovics, B. I. (2022). *Postcommunisticheskie regimy. Kontseptual’naya struktura [The Anatomy of Post-Communist Regimes. A Conceptual Framework]*. In 2 Vols. Vol. 2. Translated by Yu. Ignat’eva. In A. Reshetnikov (Ed.). Moscow, Russia: New Literature Review, 888. (In Russ.)
- Nazaretyan, A. P. (2017). *Nelineynoe budushchee. Megaistoriya, sineopologiya I psikhologiya v global’nom prognozirovanii [Non-linear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting]*. Moscow, Russia: Argamak-Media, 511. (In Russ.)

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Translated from English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. Moscow, Russia: Gaydar Institute Publ., 480. (In Russ.)

North, D. C., Wallis, J. J., Webb, S. B., & Weingast, B. R. (2012). *V teni nasiliya: uroki dlya obshchestv s ogranichennym dostupom k politicheskoy i ekonomicheskelnosti [In the Shadow of Violence: Lessons for Limited Access Societies]*. Moscow, Russia: HSE Publishing House, 48. (In Russ.)

North, D. G. (2010). *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy [Understanding the Process of Economic Change]*. Translated from English by K. Martynov, N. Edelman. Moscow, Russia: HSE Publishing House, 256. (In Russ.)

Pinker, S. (2021). *Luthchee v nas: pochemu nasiliya v mire stalo men'she [The Better Angels of Our Nature: Why Violence has Declined]*. Translated from English by G. Borodina. In: E. Shul'man (Ed.). Moscow, Russia: Alpina Non-Fiction, 952. (In Russ.)

Pliskevich, N. M. (2013). *Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i kontseptsiya Norta-Uollisa-Vayngasta. Stat'ya 2. Porogovye usloviya perekhoda dlya obshchestva [the Possibility of Transformation in Russia and the Concept of North–Wollis–Waingast. Article 2. the Threshold Conditions for the Transition for the Society]*. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and Contemporary World]*, 6, 45–60. (In Russ.)

Pliskevich, N. M. (2022). *Institutsional'nye rubtsy v "pogranichnykh obshchesvakh i evolutsiya chelovecheskogo potentsiala (Chast'1. Institutsional'nye rubtsy) [Institutional Scars in "Frontier" Societies and the Evolution of Human Potential (Part 1. Institutional Scars)]*. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 3(16), 130–143. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143 (In Russ.)

Pliskevich, N. M. (2023). *Institutsional'nye rubtsy v "pogranichnykh" obshchesvakh I evolutsiya chelovecheskogo potentsiala (Chast'2 Institutsional'nye rubtsy v istorii possiyskoy transformatsii i izmeneniya tsennostnykh orientatsiy) [Institutional Scars in "Frontier" Societies (Part 2. Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations)]*. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of economic theory]*, 1(18), 60–82. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82 (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2007). *Elementy teorii reform [Elements of the Theory of Reforms]*. Moscow, Russia: Ekonomika, 447. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2018). *K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast 1. Geografiya, instituty ili kul'tura? [Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 1. Geography, Institutions, or Culture?]*. *Voprosy ekonomiki*, 11, 5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26> (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2022). *Na puti k obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: k sin-tezu dvukh kanonov [On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards the Synthesis of Two Canons]*. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 1(14), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57 (In Russ.)

Schwartz, S. H. (1994). *Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values?* *Journal of social issues*, 50(4), 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>

The Cambridge history of capitalism (2021). Vol. 2. *Rasprostranenie kapitalizma 1848- nashi dni [The Spread of Capitalism: From 1848 to the Present]*. Moscow, Russia: Gaydar Institute Publ., 768. (In Russ.)

Vasiliev, S. (2022a). *Agrarnye reformy v Rossii XIX — nachala XX vekov: politicheskiy kontekst i tekhnologiya realizatsii. Chast'1. Krest'yanskaya reforma Aleksandra II [Agrarian Reforms in Russia in the XIX — early XX centuries: political context and technologies of implementation. Part 1. The Great Reforms of Alexander I]*. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 3(16), 157–172. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_157_172 (In Russ.)

Vasiliev, S. (2022b). *Agrarnye reformy v ROSSII v XIX - nachale XX VV.: politicheskiy kontekst i tekhnologii provedeniya chast' 2. Vtoroy etap agrarnoy reformy: S. Yu. Vitte i P. A. Stolypina*

[Agrarian Reforms in Russia in the XIX — Early XX Centuries: Political Context and Technologies of Implementation (Part 2. The Second Stage of Agrarian Reform: Witte and Stolypin)]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 4(17), 149–163. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163 (In Russ.)

Welzel, C. (2017). *Rozhdenie svobody [Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation]*. Moscow, Russia: VCIOM, 404. (In Russ.)

Yakovlev, A. A. (2020). Poisk institutsional'nykh resheniy cherez prizmu istorii [Search for Institutional Solutions through the Lenses of Historical Experience]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*, 2, 57–63. (In Russ.)

Информация об авторе

Плискевич Наталья Михайловна — старший научный сотрудник, Институт экономики РАН; <https://orcid.org/0000-0003-0860-6229> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32; e-mail: znplis@yandex.ru).

About the author

Nataliya M. Pliskevich — Senior Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-0860-6229> (32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: znplis@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 16.05.2023.

Прошла рецензирование: 06.06.2023.

Принято решение о публикации: 22.08.2023.

Received: 16 May 2023.

Reviewed: 06 Jun 2023.

Accepted: 22 Aug 2023.